

Глава LIV. ВОССТАНИЯ В ВАНДЕЕ, В ЛИОНЕ, НА ЮГЕ

Если восстание не удалось в Бретани и в Нормандии, зато контрреволюционеры имели более успеха в провинции Пуату (департаменты Де-Севр, Вьенны и Вандеи), в Бордо и в Лиможе. Небольшие движения против Конвента произошли также в некоторых восточных департаментах: в Безансоне, Дижоне и Маконе, т. е. в тех местностях, где буржуазия, как мы видели раньше, свирепо расправлялась с крестьянами в 1789 г.

На юге, где давно уже работали роялисты, восстания произошли в разных местах. Марсель, подпав под власть контрреволюционеров, жирондистов и роялистов, назначил себе временное правительство и собирался послать войска против Парижа. Тулуза, Ним, Гренобль тоже поднялись против Конвента.

Тулон даже принял английский и испанский флот, который и овладел укреплениями этого военного порта во имя Людовика XVII. Бордо, большой торговый город, готовился восстать в защиту жирондистов; а Лион, где торговая и промышленная буржуазия взяла верх уже 29 мая, открыто восстал против Конвента и выдержал долгую осаду, причем пьемонтские войска, пользуясь расстройством республиканской армии, которая должна была опираться на Лион, вступили в пределы Франции.

Вплоть до настоящего времени причины вандейского восстания еще недостаточно разъяснены. Нет никакого сомнения, что привязанность населения к своему духовенству, которой искусно воспользовались агенты папы и иезуитов, имела большое значение, чтобы поднять крестьян. Затем в деревнях Вандеи, конечно, держалась неопределенная привязанность к королю, так что роялистам легко было разжалобить крестьян рассказами о «бедном короле», который, говорили они, «хотел добра народу и за это был казнен парижанами». И сколько слез было пролито женщинами над судьбой бедного мальчика, наследника, запертого в тюрьму! Роялистским эмиссарам, приезжавшим из Рима, из Кобленца и из Англии с буллами от папы, с королевскими приказами и с английским золотом, легко было волновать крестьян, тем более что им покровительствовала местная буржуазия — бывшие торговцы невольниками-неграми, составлявшие богатое купечество в Нанте, и вообще крупные коммерсанты, которым англичане обещали оградить их от санкюлотов.

Наконец, была еще причина, которая одна могла поднять целые области. Это был рекрутский набор, объявленный Конвентом. В Вандее, связь которой с остальной Францией была еще очень слаба, набор был сочтен прямым нарушением самого святого права личности — права оставаться у себя дома и на своей родине защищаться от врагов.

Но со всем этим есть, я полагаю, основание думать, что были еще другие, едва ли не более глубокие причины, поднявшие вандейских крестьян против революции. Действительно, при изучении документов того времени беспрестанно приходится наткнуться на факты, которые помимо всяких других влияний должны были вызвать в крестьянах глубокое недовольство против Учредительного и Законодательного собраний. Уже то самое, что Учредительное собрание уничтожило мирской сход всех домохозяев каждой деревни, существовавший у них вплоть до декабря 1789 г., и, кроме того, еще разделило крестьян на активных и пассивных граждан и, лишая последних всякого права голоса, предоставило администрацию общинных дел избранныкам одних только активных, т. е. более зажиточных, крестьян, одного этого было достаточно, чтобы зародить в деревнях глубокое недовольство против революции, являвшейся в глазах крестьян детищем городских буржуа.

Конечно, 4 августа революция признала в принципе уничтожение феодальных прав и «права мертвой руки». Но «право мертвой руки» было, по-видимому, мало распространено в западной Франции, а уничтожение феодальных обязательств в продолжение четырех лет оставалось только на бумаге. А так как крестьянское восстание 1789 г. вообще было слабо в западной Франции, то с крестьян продолжали взыскивать феодальные повинности полностью по-прежнему.

С другой стороны — и это было чрезвычайно важно для деревенского населения, — продажа национальных имуществ совершилась в значительной мере в пользу городской буржуазии. Церковные имущества уже в силу своего происхождения должны были бы перейти преимущественно в руки бедных; но их скупали прежде всего горожане, и это возбуждало вражду деревни против города. К этому надо еще прибавить разграбление общинных земель буржуазией в прямой ущерб крестьянской бедноте, которому Законодательное собрание способствовало своими законами (см. гл. XXVI).

Таким образом, вплоть до августа 1793 г., когда было объявлено уничтожение феодальных прав без выкупа, революция ничего еще не давала крестьянам существенного, если они сами не бунтовали и сами не отнимали земель у дворянства и духовенства; а между тем постоянно увеличивалась тягость налогов, рекрутчины и военных поборов, падавших на сельское население. Вследствие этого глухая вражда против городов росла в деревнях, и мы действительно видим, что восстание в Вандее началось как открытая война деревни против города.

Разжигаемое эmissарами духовенства из Рима восстание вспыхнуло в Вандее с невероятной свирепостью. А Конвент мог выставить против него лишь ничтожные отряды войска под командой генералов, либо неспособных, либо умышленно затягивавших войну. Жирондистские депутаты Конвента, со своей стороны, раздували огонь своими посланиями. Восстание нашло смелых партизан — вождей и быстро разрослось. Разжигаемое фанатизмом духовенства, оно приняло зверские формы, и тогда монтаньяры стали прибегать к самым ужасным и возмутительным мерам, чтобы задавить его.

План вандейцев был завладеть городами и истребить в них всех «патриотов», т. е. всех республиканцев, а затем распространить восстание на соседние департаменты и идти на Париж. В начале июня 1793 г. вандейские вожди Катлино, Лескюр, Стофле, Ларошжаклен во

главе 40 тыс. человек действительно овладели городом Сомюром. Река Луара была таким образом в их руках. Затем, перейдя Луару, они овладели Анжером (17 июня) и, искусно скрывая свои движения, быстро бросились на Нант, большой приморский город и порт Луары, что должно было привести их в прямое соприкосновение с английским флотом. 29 и 30 июня вандейские армии, быстро соединившись, напали на Нант. Но тут они были отбиты республиканцами и потеряли Катлино — своего действительно демократического вождя. Отбитые от Нанта вандейцы стали отступать и даже оставили Сомюр, после чего они уже вынуждены были перейти на левый, т. е. южный, берег Луары.

Тут потребовались невероятные усилия со стороны республики, чтобы разгонять отряды вандейцев, державшиеся на своей собственной, родной земле. Война обратилась в прямое истребление, вследствие чего от 20 до 30 тыс. вандейцев, за которыми тянулись их жены и дети, решили эмигрировать в Англию, пересекая Бретань. Они перешли, следовательно, Луару с юга на север и направились дальше к северу, через Бретань. Но Англия вовсе не желала принять таких эмигрантов; а бретонцы, со своей стороны, холодно встретили их, тем более что в Бретани патриоты брали верх,—и тогда вся эта масса голодных и оборванных мужчин, женщин и детей снова была отброшена к Луаре.

Мы уже говорили, с какой бешеной яростью вандейцы, подогреваемые духовенством, начали восстание. Теперь война становилась еще более озлобленной. В октябре 1793 г., это пишет г-жа Ларошжаклен, жена одного из вандейских вождей, военным криком вандейцев стало: «Не давать пощады!» Действительно, в Монтэгу они наполнили большой городской колодезь полуживыми еще телами республиканских солдат, которых убивали камнями. Шаретт при взятии города Нуармутье 15 октября велел расстрелять всех, кто сдался ему. Любимой потехой вандейцев было зарыть республиканца по горло и подвергать всяческим истязаниям его голову*.

*См. Мишле, который изучал Вандейскую войну по документам на местах. «Нередко, — говорит он, — обсуждался вопрос, кто первый начал эти варварские жестокости и которая из двух партий зашла дальше на пути преступлений. Без умолка говорят об убийствах Каррье (в Нанте); но почему не говорят об убийствах Шаретта... Старые вандейские офицеры, грубые и жестокие, сами рассказывали своему доктору, который пересказал это мне, что они никогда не брали в плен солдата (особенно из Майнцской армии), без того чтобы не убить его под пытками, когда на то хватало времени». — «Когда нантцы пришли в апреле 1793 г. в Шаллан, они увидели что-то пригвожденное к двери, напоминавшее громадную летучую мышь: это был республиканский солдат, пришпиленный тут и мучившийся уже несколько часов в отчаянных предсмертных страданиях» (Michelel J. Histoire de la Revolution francaise, v. 1—9. Paris [1876—1879], v. 7, 1. 11, ch. 5).

Когда вся эта масса людей была отброшена назад, к Луаре и к Нанту, тюрьмы Нанта стали переполняться с угрожающей быстротой. В этих логовищах, битком набитых человеческими существами, стали развиваться тиф и всякие другие заразные болезни, которые из тюрем распространялись по городу среди населения, истощенного осадой. При этом, так же как было в Париже после 10 августа, сидевшие в тюрьмах роялисты грозились перерезать всех республиканцев, как только «королевская армия» вандейцев подойдет к Нанту. А патриотов было всего несколько сот в этом городе, где буржуазия, разбогатевшая на торговле неграми

и на рабском труде на острове Сен-Доминго, беднела теперь, с тех пор как революция уничтожила рабство. Гарнизонная служба, которую несли патриоты, чтобы предотвратить нечаянный захват Нанта вандейцами и помешать действительному истреблению республиканцев, была так утомительна, что патрули патриотов падали от истощения во время своих обходов.

Тогда крик: «Всех в реку!», — раздававшийся уже в 1792 г., стал слышаться все грознее и грознее. Род помешательства, подобного тому, говорит Мишле, которое замечалось в городах во время чумы, овладело бедной частью населения, а комиссар Конвента Каррье, темперамент которого как раз подходил к такого рода припадкам ярости, предоставил страстям разыгаться без удержу. Сперва начали топить в Луаре священников и кончили тем, что истребили более 2 тыс. человек, мужчин и женщин, сидевших в нантских тюрьмах.

Что же касается до Вандеи вообще, то Комитет общественного спасения, не давая себе даже труда вдуматься в причины восстания в целой области и довольствуясь нелепым объяснением, что все происходит от «фанатизма этих озверелых мужиков», не стараясь даже понять крестьян и приохотить их в республике, возымел дикую идею — истребить всех вандейцев и обезлюдить Вандею. 16 укрепленных лагерей было устроено с этой целью, и 12 «адских колонн» было пущено в Вандею, чтобы разорить всю страну, жечь крестьянские избы и истреблять крестьян.

Легко понять, к чему привела эта бойня. Вандея обратилась в гнойную рану республики. Громадная область была навсегда потеряна для республики, и Вандея стала причиной кровавых раздоров среди самих монтаньяров.

Восстания в Провансе и в Лионе имели такое же печальное влияние на ход революции. Лион был городом, где производились предметы роскоши — шелк, бархат. Множество артистов-рабочих было тогда занято тканьем у себя на дому самых тонких шелков и вышиванием золотом и серебром. И все это производство приостановилось во время революции. Самое же население разделилось на два враждебных лагеря. Рабочие-хозяева, владельцы маленьких мастерских и буржуазия, высшая и средняя, были против революции. Собственно рабочие, те которые работали на владельцев маленьких мастерских или находили себе заработок в различных отраслях, связанных с мелкоткачеством, стояли за революцию. Они уже тогда вырабатывали основы социализма, который развился в XIX в., и охотно следовали за Шалье — коммунистом-мистиком, приятелем Марата. Шалье, сродный по своему направлению с направлением, преобладавшим в Парижской коммуне, имел большое влияние в Лионском городском управлении. Кроме того, активную коммунистическую пропаганду вел еще Ланж, предшественник Фурье. Буржуазия же со своей стороны охотно стояла заодно с дворянами и особенно с духовенством, которое имело тогда большое влияние на население, причем на помощь ему явились еще эмигранты-священники из Савойи. Большая часть лионских секций была искусно наводнена жирондистской буржуазией, за которой скрывались роялисты.

Столкновение произошло, как мы видели, 29 мая 1793 г. На улицах дрались, и буржуазия одержала верх. Шалье был заарестован, и так как Робеспьер и даже Марат плохо защищали его в Париже, то жирондисты казнили его 16 июля. Вообще месть якобинцам со стороны

буржуазии и роялистов была ужасна. Лионская буржуазия, выступавшая до тех пор под знаменем жиронд-Листов, поощренная теперь вандейским восстанием, открыто вступила в союз с роялистами-эмигрантами. Она вооружила 20 тыс. человек и привела город в состояние обороны против Конвента.

Марсель тоже собирался идти на помощь Лиону. Сторонники жирондистов поднялись здесь тотчас же после 31 мая. Поощряемые жирондистским депутатом Ребекки, который поспешил сюда из Парижа, секции, попавшие большей частью в руки жирондистов, снарядили армию в 10 тыс. человек, которая направилась в Лион с намерением идти дальше на Париж против монтаньяров. Это восстание скоро приняло, как и следовало ожидать, открыто роялистский характер, и к нему, присоединились другие города южной Франции — Тулон, Ним, Монтобан.

Армия марсельцев скоро была, впрочем, разбита войсками Конвента, которые под начальством Карто вступили в Марсель 25 августа 1793 г. Ребекки утонул, но часть восставших бежала в Тулон, и этот большой военный порт был сдан вслед затем англичанам. Английский адмирал вступил в обладание городом и его укреплениями, провозгласил королем Франции Людовика XVII и призвал себе на помощь армию из 8 тыс. испанцев, чтобы держать Тулон и его форты.

В то же время во Францию вступили 20 тыс. пьемонтцев, которые пошли по долинам Салланши, Тарентезы и Морьенны на помощь роялистам в Лионе. Попытки комиссара Конвента Дюбуа-Крансе вступить в переговоры с лионцами, не удалось; движение уже попало в руки роялистов, и они ничего не хотели слышать о мирных переговорах. Комендант Лиона Преси, сражавшийся 10 августа в рядах швейцарцев в Тюильри, был преданный Людовику XVI человек, и в городе было много роялистов-эмигрантов, прибывших в Лион, чтобы сражаться против республики. Главари роялистской партии сносились с агентом принцев Эмберт-Коломесом, чтобы согласовать действия лионского восстания с движениями Пьемонтской армии. Наконец, Лионский комитет общественного спасения имел секретарем генерала Рубьеса, иезуита, тогда как комендант Пресси был в сношениях с агентом принцев и просил у них подкреплений из пьемонтских и австрийских войск.

В таких условиях осталось только начать правильную осаду Лиона, и республиканцы-монтаньяры действительно ее начали 8 августа, обложив город войсками из старых солдат, отделенными от Альпийской армии, причем пушки были привезены из Безансона и Гренобля.

Лионские рабочие вовсе не хотели этой контрреволюционной войны, но они не были достаточно сильны, чтобы воспротивиться ей. Они массами убегали из осажденного города и присоединялись к армии санкюлотов, которые, сами страдая от недостатка хлеба, все-таки кормили 20 тыс. беглецов из осажденного Лиона.

Республиканской армии под начальством Келлермана удалось-таки в сентябре принудить пьемонтцев к отступлению, а Кутону с Менье — двум комиссарам Конвента — удалось собрать в Оверни армию из крестьян, вооруженных косами, пиками и вилами. С этой армией они подошли к Лиону 2 октября на помощь Келлерману. Семь дней спустя, 9-го, армии

Конвента наконец овладели Лионом.

С грустью приходится сказать, что месть республиканцев была ужасна. Кутон, по-видимому, был склонен к политике примирения, но террористы одержали верх в Конвенте. Они говорили, что к Лиону надо приложить то, чем жирондист Инар угрожал Парижу; т. е. разрушить город так, чтобы от него остались одни развалины, на которых воздвигли бы надпись: «Лион вел войну против свободы — Лион более не существует». В конце концов этот нелепый план не был принят; но все-таки Конвент решил разрушать дома богатых, щадя дома бедных. Исполнение этого было поручено Колло д'Эрбуа, и если он этого не выполнил, то только потому, что исполнение было материально невозможно: город нелегко разрушить. Зато своими казнями и расстрелами «в кучу» Колло нанес страшный вред революции.

Такая же война началась в Бордо и Тулоне.

Жирондисты сильно рассчитывали на восстание в Бордо, и этот «негоциантский» город, столица Жиронды, действительно восстал; но восстание не продержалось. Народ не дал себя обмануть и не поверил обвинениям в «роялизме и орлеанизме», распространявшимся жирондистами против монтаньяров. В результате оказалось, что когда арестованные жирондистские депутаты, убежавшие из Парижа, приехали в Бордо, они должны были скрываться в этом городе, из которого они мечтали сделать центр своего восстания. Вскоре Бордо подчинился комиссарам Конвента.

Что касается до Тулона, где давно уже работали английские агенты и где офицеры-моряки все были роялисты, он сдался, как мы говорили, английскому флоту. Патриоты, вообще малочисленные в этом порту, были посажены в тюрьму; а так как англичане, не теряя времени, вооружили форты и выстроили новые, то понадобилась потом правильная осада, чтобы овладеть ими. Это удалось сделать только позже, в декабре 1793 г.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 26 апреля 2025 18:53:56

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 26 апреля 2025 18:54:13